

Свобода

и хозяйственная демократія

О свободѣ можно говорить обоснованно лишь с точки зрѣнія опредѣленнаго міровоззрѣнія. Я буду говорить о ней с точки зрѣнія конкретнаго органическаго идеал-реализма, представляющаго собою разновидность христiанской философіи.

Всякая личность есть своеобразное твореніе Божіе, единственное и незамѣнимое индивидуальное существо, способное проявиться, как абсолютная положительная цѣнность. В самом дѣлѣ, всякій индивидуум способен, стремясь к абсолютным цѣностям красоты, добра, истины, полноты жизни, стать членом Царства Божія, именно активно участвовать в Божественной полнотѣ бытія, внося в нее каждый свою индивидуальную струю, необходимую для гармоніи цѣлаго, созидаемаго **соборным** творчеством. Взаимовосполненіе одних индивидуумов другими, творящих прекрасное цѣлое абсолютной полноты бытія, возможно не иначе, как на основѣ совершенной любви к Богу, ко всѣм существам и ко всѣм абсолютным цѣностям, слѣдовательно, на основѣ полной формальной свободы. Малѣйшій оттѣнок принужденія, внѣшняго или внутренняго, указывает на то, что субъект дѣйствует не на основаніи совершенной любви к абсолютно цѣнному, безошибочно обнаруживает, что в нем есть хотя бы малѣйшая примѣсь пристрастія к цѣностям относительным, возникающим на почвѣ эгоистическаго преувеличенія субъектом любви к себѣ; откуда неизбѣжны нарушенія гармоніи, противоборства, распада, невозможность для субъекта участвовать в соборном творествѣ.

Если субъект, на основѣ своего свободнаго избранія, удастается быть членом Царства Божія, он не только обладает формальною свободою, но еще и пріобрѣтает положительную матеріальную свободу, т. е. способность безграничнаго твор-

чества, так как силы его в соборной активности сочетаются с силами других субъектов и Самого Бога.

Субъект, вступивший на путь себялюбия, нарушающего гармонию мира, сохраняет во всей полнотѣ формальную свободу (ни одно его дѣйствіе не бывает абсолютно вынужденным внѣшними или внутренними условіями), но положительная матеріальная свобода его глубоко ущерблена: он становится членом нашего царства психо-матеріальнаго бытія, избилующаго распадами, отношеніями вражды и противоборства со всевозможными видами зла (смерть, физическія и душевныя страданія и несовершенства), производными из основного зла, недостатка любви к абсолютным цѣностям; гонясь за относительными благами, достиженіе которых всегда есть для каких-либо существ зло, субъект принужден созидать их или своими единоличными усилиями или в сочетаніи с силами тѣх существ, которыя вступили с ним в союз, но всегда так, что его дѣятельность натывается на противодѣйствія и связана с большими или меньшими страданіями. В этом царствѣ возможны крайне различныя степени матеріальной свободы, именно возрастаніе личности в свободѣ по мѣрѣ ограниченія своей эгоистической исключительности и развитія способности вступать в союзы, все болѣе сложныя (напр., семья, нація, государство). Но при этом каждый шаг вверх предполагает отказ от тѣх или иных излюбленных относительных благ, не совмѣстимых друг с другом, достигается путем преодоленія страданій, страхов. Простое использование формальной свободы требует зачастую героизма, напр, рѣшимости предпочесть смерть внѣшнему принужденію. Так в совѣтской Россіи исповѣданіе христіанства связано с готовностью вступить на путь мученичества.

Стоит только представить себѣ трудности борьбы за матеріальныя условія существованія (пищу, одежду, жилище), без обезпеченія которых для себя и семьи чловѣкъ не может отдать высшим формам духовной жизни, чтобы отдать себѣ отчет в том, как многіе люди, даже и при доброй волѣ, направленной на восхожденіе в сферу абсолютных цѣностей, бывають угнетены внѣшними препятствіями так, что не успѣвают раскрыть всѣ свои способности и силы на благо себѣ и обществу.

Одна из задач нормально развивающагося общественнаго и государственнаго строя состоит в устраненіи препятствій для творческой активности личностей, стремящихся, каждая своим индивидуальным способом, достигать полноты жизни. С этой точки зрѣнія можно говорить о свободѣ личности в общественной и государственной жизни; сюда относятся напр., гражданскія свободы (свобода совѣсти, свобода слова и т. п.), политическая свобода и т. п. Конечно, под словом свобода здѣсь разумѣются только различные виды относительной и отрицательной свободы (независимость личности от какого-либо стѣснительнаго условія). Исслѣдованія, посвященныя философской проблемѣ свободы воли, сосредоточены на гораздо болѣе глубоких проблемах того метафизическаго строенія личности и міра, из котораго слѣдует возможность или невозможность свободы воли. В таких трактатах вопрос о гражданских свободах и т. п. проблемы общественности часто даже не упоминаются ни одним словом. Поэтому лица, не способныя к философскому мышленію, с досадою отбрасывают их в сторону, упуская из виду іерархію проблем: в самом дѣлѣ, исслѣдованіе метафизической проблемы свободы не обязывает автора спускаться вплоть до частных вопросов о тѣх или иных видах относительной и отрицательной свободы в общественной жизни; наоборот, проблему свободы личности в обществѣ, вопрос о предѣлах ея и путях должнаго развитія ея можно рѣшить не иначе, как опираясь на ученіе о цѣли міроваго бытія, цѣли индивидуальной личной жизни и той онтологической структурѣ личности, которою опредѣляется ея свобода или несвобода. Философское ученіе о свободѣ и о цѣли жизни, развитое в моих книгах «Свобода воли» и «Цѣнность и бытіе. Бог и Царство Божіе как основа цѣнностей», состоит в утвержденіи, что сотворенная Богом личность призвана к безконечно высокой цѣли — активно участвовать в Божественной полнотѣ бытія, свободно творя абсолютныя цѣнности; что она обладает важнѣйшим условіем достиженія этой цѣли — абсолютною формальною свободою; поэтому при всяких, даже и самых неблагопріятных условіях всякая личность может достигнуть этой конечной цѣли, и, находясь в состояніи жалкаго упадка, не имѣет права ни на кого

сваливать вину, ни на среду, ни на наследственность, ни, тѣм болѣе, на Бога. Из этого однако не слѣдует, будто общественный строй может быть для нас безразличным. Если верховная норма поведенія есть любовь к ближнему, то понятно, что именно герои духа не презирают людей, задавленных борьбою за существованіе, а, наоборот, увлекаются стремленіем создать условия, облегчающія для них поднятіе на вершину духовной жизни. Важнѣйшее из этих условий есть общественный строй, гарантирующій свободу развитія личности. Высшая в этом отношеніи выработанная человѣчеством форма государственнаго порядка есть демократія. *).

Конечно, современные демократіи изобилуют недостатками но это объясняется не столько несовершенством принципов, сколько, наоборот, тѣм, что принципы демократіи недостаточно осуществлены, и что для полнаго развитія этого строя требуется высокій уровень культуры народных масс и осознаніе средним человѣком своего идеальнаго назначенія. В самом дѣлѣ, демократическій строй еще не содержит в себѣ абсолютной гарантіи свободы личности. Народ, утратившій стремленіе к высшим духовным цѣностям, усвоившій, напр., матеріалистическое міропониманіе, может увлечься земными относительными благами настолько, что продает свою свободу за чечевичную похлебку. Лучшею гарантіею свободы было бы распространеніе в демократическом обществѣ христіанскаго міровоззрѣнія в той его формѣ (до сих пор, к сожалѣнію, еще мало разработанной и осуществленной), которая подчеркивает абсолютную цѣнность личности и послѣдовательно проводит в жизнь истину, что христіанство, как религія любви, есть тѣм самым и религія свободы.

Труднѣйшая проблема, стоящая на очереди перед современным обществом, есть распространеніе принципов демократіи на экономическій строй, созданіе на ряду с политической демократіею хозяйственной демократіи. Противники этой идеи глубоко заблуждаются, когда утверждают, что свобода хозяйственнаго самоопредѣленія есть основа всѣх остальных свобод лич-

---

*) См. мои статьи «Органическое строеніе общества и демократія» и «В защиту демократіи» Совр. Зап., 1925 и 1926, ном. 25 и 27.

ности и потому уничтоженіе ея есть гибель всѣх остальных видов свободы. Они правы лишь постольку, поскольку имѣют в виду коммунизм совѣтской Россіи, поправшій всѣ принципы демократіи и дѣйствительно уничтожившій всякую свободу хозяйственнаго самоопредѣленія, как предпринимателей, так и рабочих. Под видом коммунизма в совѣтской Россіи осуществлен на самом дѣлѣ деспотическій государственный капитализм, система капитализма наиболѣе страшная потому, что при ней множество конкурирующих капиталистов замѣняются одним капиталистом, от эксплуататорской тираніи котораго уйти нигде нельзя потому, что он обладает всѣми средствами государственнаго принужденія. Во всѣх отношеніях иной строй привлекает к себѣ защитников идеи хозяйственной демократіи. Частный капитал, свобода организаціи частных промышленных предпріятій и свобода труда в этом строѣ сохраняются, но регулируются новыми правовыми нормами и учрежденіями с цѣлью оградить рабочаго от эксплуатаціи капиталом и обезпечить общественно полезную функцію частной собственности.

Преобразование экономических отношеній в хозяйственной демократіи можно сравнить с переходом в политической сферѣ от самодержавной к конституціонно-демократической монархіи. Как ограниченіе самодержца есть наростаніе свободы всѣх цѣною ограниченія произвола одного, так и ограниченіе эксплуататорской мощи класса буржуазіи есть наростаніе свободы всѣх остальных слоев общества. Конечно, хозяйственная демократіа предполагает нѣкоторыя ограниченія также и свободы рабочаго, однако они в высокой степени компенсируются тѣм, что рабочій выходит из узких рамок единичнаго предпріятія и становится членом обширной системы хозяйственнаго самоуправленія: поэтому, перед ним открывается поприще для повышенія сообразно заслугам и способностям; он освобождается от опасности быть выброшенным на улицу вслѣдствіе таких случайностей, как раціонализація данной отрасли производства, крах предпріятія и т. п.; он не зависит от произвола отдѣльнаго лица и т. д.

Идеал хозяйственной демократіи есть не социализм и не анархическій капитализм, а синтез цѣнных положительных сто-

рон того и другого строя. *) Задача этого синтеза настоятельно выдвигается в настоящий исторический момент на первый план потому, что человечество достигло такой степени богатства и такой ступени развития техники, промышленности и организаторского искусства, когда можно и должно поставить целью обеспечить каждому человеку материальные средства, необходимые для возрастания свободы духовной жизни. Хозяйственная демократия, как и политическая, конечно, не есть абсолютно действительное средство обеспечения духовной свободы. К этой цели она будет надежно двигаться лишь постольку, поскольку широкие круги народа будут проникнуты идеею абсолютной ценности личности, т. е. будут сторонниками мировоззрения, утверждающего господство духовных начал над материальными.

Н. Лосский.

---

*) Соображения о таком хозяйственном строе см. у С. Гессена. «Проблема правового социализма» (Совр. Зап., 1925-1927 г.г.); о правовой форме, предполагаемой таким строем, см. Г. Гурвич, «L'Idée du Droit Social», Paris, 1932, и его же «Le Temps présent et l'Idée du droit social», Vrin, Paris 1932.